Церковныя Вѣдомости

Православной Церкви въ Германіи

Оффиціальный органъ Православной Германской Епархіи

Cerkownyja Wjedomosti

Amtliche Zeitschrift der Orthodoxen Diözese in Deutschland

Издается подъ редакціей Секретаря Епархіальнаго Управленія
Е. И. МАХАРОБЛИДЗЕ

Апрель 1953 г

№ 4

АПРѢЛЬ

1953

МЮНХЕНЪ

РЕДАКЦІЯ: München–Bogenhausen, Mauerkircherstr. 5.

Церковныя Вѣдомости

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ГЕРМАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

III годъ изд. АПРѢЛЬ 1953 г. № 4.

Часть оффиціальная.

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНІЕ

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХІЕРЕЙСКАГО СVНОДА ЗАГРАНИЦЕЙ.

Христосъ Воскресе!

Откуда каждый годъ въ таинственный полночный часъ приходитъ къ намъ эта древняя и вмѣстѣ всегда новая вѣсть о Воскресеніи Христовомъ?

Если вы внимательно вникните въ содержаніе Пасхальнаго Богослуженія, то увидите, что она исходитъ изъ глубины небесъ.

Ее приносятъ намъ небесные вѣстники—ангелы.

Въ тишинѣ ночи вы слышите ихъ отдаленный хоръ, воспѣвающій Возстаніе Христово. Постепенно приближаясь къ намъ, ихъ пѣснь, наконецъ, какъ бы сходитъ съ неба на землю и торжественно оглашаетъ ее словами: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ

Вмѣстѣ съ ними новая свѣтлая радостная жизнь могучими потоками вливается въ нашу душу и обновляетъ ее. Человѣкъ — этотъ червь земли, но получившій заданіе быть богомъ, поистинѣ становится тогда «новою тварью» и поднимается выше самого себя. На крыльяхъ благодатной пасхальной радости онъ возносится на такую высоту, гдѣ смолкаетъ всякая вражда и злоба и другія человѣческія земныя страсти. Съ этихъ высотъ расширяется духовный горизонтъ человѣка подобно тому, какъ расширяется для насъ естественный горизонтъ, когда мы возносимся къ облакамъ. Тогда мы невольно становимся ближе другъ къ другу, сливаясь въ одинъ организмъ—въ одно братство Христово.

Пасха—это подлинно Свѣтлый день нашей жизни, которая безъ этого казалась бы мертвой безотрадной пустыней. Богъ даровалъ намъ милость увидѣть ее снова и мы всѣ спѣшимъ обмѣняться своими привѣтствіями другъ съ другомъ. То же чувство вызываетъ и у насъ горячее желаніе раздѣлить благодатную пасхальную радость со всѣми вами, дорогіе братіи и сестры, пребывающіе въ нашемъ всемірномъ разсѣяніи.

Мы хотѣли бы обнять всѣхъ васъ своимъ сердцемъ и облобызать васъ святымъ пасхальнымъ лобзаніемъ.

Нѣтъ кажется мѣста подъ солнцемъ, гдѣ не слышалась бы нынѣ русская рѣчь и мы желали бы сказать одновременно всему нашему разсѣянію: Христосъ Воскресе!

Особенно ярко свѣтъ Пасхи блистаетъ, конечно, тамъ, гдѣ возсталъ Господь изъ мертвыхъ и гдѣ Его отверстый гробъ является въ теченіе вѣковъ немолчнымъ свидѣтелемъ Его Воскресенія.

Туда естественно и обращается прежде всего наше сердце и наша душа. Въ недавнее еще сравнительно время въ Св. Землѣ стекались ко дню Пасхи тысячи русскихъ паломниковъ. Нынѣ тамъ пребываетъ лишь небольшое количество русскихъ людей по преимуществу монахинь и благочестивыхъ русскихъ поклонницъ, которыя каждый годъ стоятъ за всѣхъ насъ на Божественной стражѣ у Живоноснаго Гроба въ часъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Прежде, чѣмъ раздастся первый ударъ церковнаго колокола онѣ, соревнуя Маріи Магдалинѣ, спѣшатъ уже ко Гробу, чтобы

одними изъ первыхъ срѣтить Христа, исходящаго изъ гроба яко Жениха. Восторженнымъ сердцемъ и устами онѣ воспѣваютъ Его Воскресеніе, чередуя наши ликующіе русскіе напѣвы съ величественными торжественными греческими мелодіями. Присутствіе ихъ тамъ служитъ символомъ неумирающей связи Русскаго народа съ Обѣтованною землею, так же какъ и радостный звонъ нашихъ колоколовъ, несущійся съ высоты Елеона и изъ церкви Маріи Магдалины въ Геосиманіи, когда онъ сливается въ одинъ торжественный аккордъ со звуками могучихъ благовѣстниковъ Храма Гроба Господня, присланныхъ нѣкогда изъ Православной Россіи.

Поистинѣ блаженъ жребій этихъ новыхъ женъ Мvроносицъ и малаго братства нашей Миссіи, несытымъ сердцемъ вкушающихъ обильную пасхальную трапезу во Св. Градѣ.

Но величіе Праздника Праздниковъ состоитъ въ томъ, что его благодать, какъ благоуханіе весны, разливается по всему міру.

Ея жаждетъ особенно русское православное сердце. Оно не можетъ забыть о днѣ Пасхи и напоминаетъ объ этомъ русскимъ людямъ всюду, гдѣ бы этотъ праздникъ ни засталъ ихъ—въ городахъ, селеніяхъ, на сушѣ, на морѣ, въ воздухѣ, въ пустыняхъ, на дорогахъ и даже въ пропастяхъ земныхъ.

Гдѣ бы вы ни оказались въ Свѣтлый день среди нашихъ соотечественниковъ, особенно въ мѣстахъ ихъ наибольшаго скопленія въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, въ Египтѣ, Персіи, Канадѣ, Калифорніи, Бразиліи, Аргентинѣ, Венецуэлѣ, Австраліи, Новой Зеландіи, въ Сѣверной или Южной Африкѣ—вы вездѣ встрѣтите одну и ту же отрадную картину—переполненные храмы, сіяющіе свѣтомъ и оглашаемые торжественными пасхальными пѣснопѣніями, свѣтящіяся радостію лица и трогательныя братскія объятія, со словами—Христосъ Воскресе.

Вездѣ вы почувствуете царственное шествіе Пасхи, которую нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ Праздникомъ.

Пойдите въ Египетъ съ его сумрачными пирамидами и молчаливыми загадочными сфинксами, являющимися какъ бы надгробными памятниками угасшей блестящей египетской культуры. Вы услышите и тамъ наше радостное и свѣтлое: Христосъ Воскресе, торжествующее надъ разрушеніемъ и смертію. На необъятныхъ пространствахъ мертвой бездыханной Сахары вы встрѣтите цвѣтущіе оазисы, гдѣ также живутъ русскіе люди, сохранившіе на чужбинѣ родные отеческіе завѣты. Подъ сѣнію пальмъ они встрѣтятъ пріѣхавшаго къ нимъ издали ихъ пастыря, зажгутъ свои скудные свѣтильники предъ иконами, украсятъ свой столъ куличами и пасхами—этими неизмѣнными символами русской Пасхи—и жизнь вдвойнѣ расцвѣтетъ среди мертвой пустыни.

Не останется безъ утѣшенія и небольшая семья нашихъ соотечественниковъ, пріютившихся на южной оконечности Африки, не столь далеко отъ мыса Доброй Надежды. И къ нимъ прилетитъ не столько на самолетѣ, сколько на крыльяхъ своей пастырской ревности служитель Божій, чтобы возвѣстить имъ подлинно добрую и радостную надежду, которую принесъ на землю намъ всѣмъ Воскресый изъ мертвыхъ Спаситель міра и соутѣшиться съ ними общею вѣрою.

Но вотъ предъ нами пастырь безсловесныхъ овецъ, стрегущій свое стадо въ необитаемыхъ просторахъ Австраліи. Онъ совершенно одинокъ, будучи лишенъ всякого человѣческаго общества. Но и онъ будетъ праздновать свою Пасху, съ трепетомъ ожидая наступленія завѣтнаго полуночнаго часа. Ему некому сказать своего: «Христосъ Воскресе», кромѣ собственнаго сердца. Тѣмъ явственнѣе онъ услышитъ отъ него отвѣтъ: «Воистину Воскресе».

У него нѣтъ храма, куда онъ принесетъ свою пасхальную радость. Но онъ самъ становится одушевленнымъ храмомъ, въ глубинѣ котораго онъ услышитъ ангеловъ, поющихъ Воскресеніе Христово.

«Воистину Воскресе Христосъ, нашъ далекій, а потому особенно близкій и дорогой нашъ братъ», скажемъ мы ему.

Въ безмолвіи пустыни твоя пасхальная радость можетъ быть полнѣе, свѣтлѣе и цѣлостнѣе нашей, ибо ее не расхищаетъ тамъ блестящая суета, которой мы наполняемъ Праздникъ вмѣсто того, чтобы проводить его въ тихомъ умиленномъ созерцаніи великаго Пасхальнаго таинства и безмятежномъ невозмутимомъ мирѣ.

Радость Воскресенія соединяетъ нынѣ въ одну семью всѣхъ русскихъ людей, какъ разсѣянныхъ по всему лицу земли, такъ и живущихъ въ предѣлахъ самой Россіи. Свѣтъ Пасхи продолжаетъ сіять и во мракѣ подневольной Руси и тьма его не объятъ. Никакая самая настойчивая ухищренная пропаганда безбожія не могла

поколебать истины Воскресенія въ душѣ Русскаго народа, ибо человѣкъ гораздо больше довѣряетъ своему сердцу, чѣмъ голосу холоднаго разсудка. При всѣхъ усиліяхъ совѣтская власть оказалась безсильной въ три съ половиной десятилѣтія искоренить то, что вѣками проповѣдалось Церковью, утверждалось русскимъ православнымъ бытомъ; трогательно опоэтизировано было въ нашей литературѣ и глубоко воспринималось религіознымъ опытомъ, когда милліоны людей съ трепетомъ ожидали каждый годъ Христова дня и полные ни съ чѣмъ несравнимаго духовнаго восторга братски лобзали другъ друга со словами: „Христосъ Воскресе".

Чрезвычайныя бѣдствія, пережитыя русскимъ народомъ послѣ крушенія Родины, должны были только укрѣпить его вѣру въ силу воскресенія Христова. Ибо безъ нея жизнь человѣка и самая вѣра наша, по изреченію Апостола Павла, была бы „тщетной" т.е. теряла бы свой смыслъ и оправданіе.

Если Христосъ не воскресъ и мертвые не возстаютъ, то „для чего" — спрашиваетъ апостолъ, „мы подвергаемся бѣдствіямъ"? Современная культура при всѣхъ своихъ достиженіяхъ не сдѣлала людей болѣе счастливыми. Напротивъ, къ прежнимъ испытаніямъ и тревогамъ она прибавила новыя, которыхъ не знало патріархальное человѣчество.

Одна угроза атомныхъ бомбъ способна отравить всю жизнь человѣку. Достаточно одной мысли о томъ, что при ея разрывѣ не только человѣкъ, но и несокрушимая сталь обращаются мгновенно въ паръ, чтобы впасть въ безнадежное уныніе. И только вѣра въ вѣчную жизнь, которую пріобрѣлъ для насъ своимъ крестомъ и воскресеніемъ Христосъ, спасаетъ насъ отъ отчаянія.

„По разсужденію человѣческому, продолжаетъ Апостолъ, когда я боролся со звѣрьми въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не возстаютъ?" (I Кор. XV, 32).

Руководясь тѣмъ же человѣческимъ разсужденіемъ, можно спросить, какая польза была для нашихъ собратій въ Россіи бороться съ жестокими звѣроподобными людьми, потерявшими образъ человѣческій и причинявшими имъ неописуемыя пытки и терзанія, если бы они не вѣрили въ грядущую жизнь и вѣчное воздаяніе? Какой смыслъ имѣлъ бы подвигъ нашихъ многочисленныхъ страстотерпцевъ послѣдняго времени, если бы они не были увѣрены вмѣстѣ съ Апостоломъ, что по окончаніи земного поприща ихъ ждетъ нетлѣнный вѣнецъ правды, который увѣнчаетъ ихъ страданія.

Не таковъ жребій нечестивыхъ. Они обречены на вѣчныя мученія. Погибель ихъ не дремлетъ и постигаетъ ихъ иногда еще на землѣ въ часъ, котораго они не ожидаютъ. Такая участь постигла недавно „всемогущаго" Сталина, имя котораго нынѣ еще у всѣхъ на устахъ.

Когда онъ достигъ высшаго могущества и власти, когда восемьсотъ милліоновъ людей подобострастно склонялись предъ его державою и многіе съ суевѣрнымъ страхомъ говорили: „кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?" онъ „палъ внезапно на ложе свое" и „позналъ, что умираетъ". Напрасно онъ такъ ревновалъ о своей безопасности и объ охранѣ своего здоровья, какъ бы желая обезпечить себѣ безсмертіе на землѣ. Тщетно друзья и соработники его собрали вокругъ его смертнаго одра множество медицинскихъ силъ: „врачи безполезные", они не могли не только возвратить ему здоровья, но и привести его въ сознаніе послѣ постигшаго его удара, дабы онъ, какъ истинный сынъ тьмы въ беспросвѣтномъ мракѣ сошелъ къ преисподнюю — въ царство вѣчнаго мрака. Конецъ его земныхъ дней былъ столь же печаленъ, какъ и его предшественника и учителя Ленина.

У послѣдняго былъ отнятъ даръ рѣчи и разума и онъ, подобно Навуходоносору, подлинно приложился къ безсловеснымъ и уподобился имъ, пока смерть не прекратила жалкое существованіе. Господь смирилъ его, связавъ его хульный языкъ, изрыгавшій гнусные кощунственные глаголы на Господа и на Христа Его. Сталинъ не внялъ этому уроку и пошелъ дальше своего учителя въ нападкахъ на религію и преслѣдованіи Церкви, соединяя въ себѣ жестокость Ирода и Нерона съ коварствомъ Юліана Отступника. Онъ захотѣлъ подлинно выше звѣздъ поставить престолъ свой и создалъ вмѣстѣ со своими ближайшими совѣтниками особую безбожную религію, которая по словамъ одного писателя „имѣетъ все—и своихъ пророковъ, и свои школы, гробницы, мощи, священное писаніе, догмы, имѣетъ свои ереси, свою ортодоксію, свой катехизисъ, свои преслѣдованія еретиковъ, свои покаянія и отреченія и, наконецъ, свою прекрасно организованную инквизицію".

Ей недостаетъ только Живаго Бога—Бога истины и любви—Котораго жаждетъ человѣческая душа.

Но Богъ Самъ напоминаетъ, когда хочетъ, безумцамъ, говорящимъ въ сердцѣ своемъ: „нѣсть Богъ", что Онъ существуетъ.

Пораженный на смерть Юліанъ невольно воскликнулъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" Судьба Сталина невольно сближаетъ его съ Юліаномъ.

Когда этотъ нечестивый Отступникъ отъ христіанства, причинившій неисчислимыя бѣдствія Церкви, безславно погибъ въ войнѣ съ Персами—возликовалъ весь Христіанскій міръ, а Св. Гр. Богословъ по этому случаю написалъ даже по его собственнымъ словамъ «побѣдную» пѣснь: «Палъ Вилъ! Сокрушился Дагонъ! Посрамленъ Ливанъ!» восклицаетъ онъ въ своемъ знаменитомъ II-мъ обличительномъ словѣ на царя Юліана: «Доселѣ Богъ удерживалъ и отлагалъ свой гнѣвъ за насъ, не возжигалъ еще всей своей ревности и только высоко вознесъ десницу на нечестивыхъ и хотя натянулъ и уготовалъ лукъ, однако же удерживалъ его силою и ожидалъ, пока выйдетъ наружу вся злоба Юліана подобно какому-нибудь злокачественному и вредному вереду, ибо таковъ законъ Божіего суда, или спасти покаяніемъ, или наказать по справедливости».

Проявленіе того же закона суда Божія мы видимъ и въ судьбѣ, постигшей отступника и богоборца Сталина.

Желая всѣмъ, даже самымъ тяжкимъ грѣшникамъ спастись и пріити въ разумъ истины, Богъ въ своей неизреченной милости ожидалъ покаянія и отъ Сталина и потому до времени щадилъ его.

Но безнаказанность дѣлала его еще болѣе надмѣннымъ и самоувѣреннымъ. Самое долготерпѣніе Божіе онъ обратилъ въ средство для собственнаго возвеличенія и укорененія во злѣ. Когда вопли о его злодѣяніяхъ дошли до слуха Вседержителя и когда Господь увидѣлъ, что онъ проливаетъ невинную кровь, какъ воду, не зная ни справедливости, ни жалости, ни состраданія, что «мысли и помышленія сердца его обращены на зло» и что весь міръ превратился бы въ адъ, если бы онъ осуществилъ свое честолюбивое намѣреніе создать всемірное коммунистическое царство подъ его управленіемъ, тогда Господь сокрушилъ этотъ гордый Ливанскій кедръ, поразивъ его молніей своего праведнаго гнѣва. Весь міръ облегченно вздохнулъ, когда узналъ о неожиданной смерти человѣка, который подлинно «смущалъ землю», котораго одно имя приводило въ ужасъ милліоны людей, желавшихъ не великихъ потрясеній, а мирной и спокойной жизни, основанной на христіанскихъ началахъ вѣры, любви и правды.

Что касается русскихъ людей, то они, испытавшіе на себѣ его тираническую руку, должны были возрадоваться сугубою радостью, видя въ его неожиданной погибели торжество Божіей силы и правды надъ всѣми, кто дерзаетъ превозноситься предъ Всемогущимъ.

Имъ не нужно составлять новаго побѣднаго гимна, кромѣ того, который нынѣ властно звучитъ надъ міромъ:

«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіе Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ».

Враги Божіи подлинно исчезаютъ, какъ дымъ, и это надо помнить всѣмъ преемникамъ власти Сталина. Надъ ними уже тяготѣетъ тотъ же небесный приговоръ, если они пойдутъ по стопамъ своего предшественника. Нѣтъ на землѣ силы, которая могла бы ихъ защитить отъ карающей десницы Божіей, хотя бы они обладали всѣмъ міромъ.

А мы всѣ укрѣпимся вѣрою, что Христосъ воистину возсталъ изъ мертвыхъ, сокрушивъ державу ада.

Восхваляя Его Вѣчную побѣду, будемъ молить Его благость, чтобы Онъ, связавшій своимъ воскресеніемъ власть сатаны, освободилъ бы отъ его ига нашихъ братій въ Россіи. Да приблизится день, когда мы снова могли бы встрѣтиться съ ними на свободной Русской землѣ, простереть имъ свои братскія объятія и сказать имъ: «Христосъ Воскресе, наши дорогіе страдальцы. Часъ Вашего избавленія насталъ». Это день нашей общей пасхальной радости.

«Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ»!

Митрополитъ Анастасій.

Мартъ 1953.

Христосъ ✝ Воскресе!

«Ангелъ вопіяше Благодатнѣй: Чистая Дѣво, радуйся, и паки реку: радуйся, Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба, и мертвыя воздвигнувый. Людіе, веселитеся!»

«Радуйся, Благодатная: Господь съ Тобою: благословенна Ты въ женахъ», рекъ Архангелъ Гавріилъ, войдя къ дѣвѣ Маріи въ Назаретѣ. И возвѣстилъ Ей радостную для всего міра вѣсть, что Она родитъ Сына Божіяго, приходящаго на землю для спасенія рода человѣческаго.

Благовѣствуй, земле, радость велію. Хвалите, небеса, Божію славу! Грядетъ съ неба Создатель міра, да соединитъ землю съ небомъ. Ликуй, человѣчество!

Радуйся паче всѣхъ, Маріе, ставшая лѣствицей высокой, по коей сходитъ Богъ, и мостомъ, преводящимъ людей отъ земли на небо!

Сила Вышняго осѣнила тогда Дѣву и Духъ Святый нашелъ на Нее. Превѣчный Сынъ Божій сталъ сыномъ чистыя Дѣвы.

Слово Божіе, сотворившее міръ, стало плотію.

Воззвать Адама пришелъ во плоти Создавый Адама, но пришедъ на землю, Онъ не нашелъ его.

Вкусивъ смерть, сошли въ преисподнюю Адамъ и Ева со множествомъ сыновъ и дщерей своихъ.

И туда снисходитъ за ними ставшій человѣкомъ Сынъ Дѣвы, безсмертный Сынъ Божій.

Вкушаетъ смерть на Крестѣ и душею сходитъ во адъ, въ залогъ возстанія Своего, оставляя на землѣ въ гробѣ Свое непорочное чистое Тѣло.

Рыдала горько и плакала Непорочная Дѣва, видя распятымъ Своего Сына: «Гдѣ древнее благовѣщеніе Архангела Гавріила», воскликнула Она. «Нарицалъ онъ Тебя Богомъ и Сыномъ Вышняго, нынѣ же вижу Тя нага и изранена мертвеца».

«Не рыдай Мене, Мати», слышитъ въ отвѣтъ, «тварь Мою желая спасти, изволихъ умрети, но воскресну и Тебе возвеличу, яко Богъ небесе и земли».

Снисшедъ къ смерти, Господь Безсмертный умерщвляетъ адъ блистаніемъ Божества. Вся силы небесныя взываютъ: Жизнодавче Христе Боже нашъ, слава Тебѣ! Отверзенъ нынѣ рай!

Днесь Адамъ ликуетъ и радуется Ева, пророки съ патріархи воспѣваютъ Божественную Державу Воскресшаго Христа.

Учениковъ Христовыхъ ликъ съ Мѵроносицами женами веселится.

Христосъ Воскресе, смерть поправый и мертвыя воздвигнувый.

Гдѣ твое, смерте, жало, гдѣ твоя, аде, побѣда?

Людіе веселитеся! Воспряните духомъ, изнемогающіи тѣлесными силами: вѣчную жизнь Христосъ дарствуетъ.

Радуйтеся, плачуши о своихъ близкихъ, якоже Марѳа и Марія надъ Лазаремъ: воскресе Христосъ и мертвый ни единъ во гробѣ.

Никтоже да убоится смерти: свободи бо насъ Спасова смерть.

Днесь всякая тварь веселится и радуется, яко Христосъ Воскресе.

Воскресенія День и просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ!

Ты-же, Чистая, красуйся, Богородице, о востаніи Рождества Твоего!

Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ! ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Пасха. Свѣтлое Воскресеніе Христово 1953 г.

Архіепископъ Іоаннъ, Брюссельскій
и Западно-Европейскій.

ЦИРКУЛЯРНО.

УКАЗЪ
ИЗЪ АРХІЕРЕЙСКАГО СУНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Архіерейскій Сунодъ Русской Православной Церкви заграницей 14/27 января 1953 г. СЛУШАЛИ:

Докладную записку Преосвященнаго Архіепископа ВИТАЛІЯ по вопросу о правахъ и обязанностяхъ приписныхъ къ разнымъ храмамъ сверхштатныхъ клириковъ.

ПОСТАНОВИЛИ: Для того, чтобы клирики, занявшіеся по тѣмъ или инымъ причинамъ частной работой, не утратили живой связи съ Христовой Церковью, не угасили бы въ себѣ пастырскаго рвенія, не утратили бы награды, установленной отъ Пастыреначальника Христа Его вѣрнымъ служителямъ и не служили бы соблазномъ для вѣрующихъ, принять слѣдующее положеніе о сверхштатныхъ клирикахъ:

1. Всѣ священнослужители, состоящіе въ спискахъ клира епархій Русской Православной Церкви, хотя и не занимающіе штатныхъ мѣстъ въ приходахъ, а лишь приписанные къ нимъ и зарабатывающіе средства для своего существованія частнымъ трудомъ, обязаны неуклонно сохранять каноническія отношенія со своимъ Епархіальнымъ Архіереемъ и Епархіальнымъ Управленіемъ.

2. Во всѣ воскресные и, по возможности, въ праздничные дни они обязаны посѣщать тотъ храмъ, къ которому они приписаны, и съ согласія архіерея или настоятеля храма принимать участіе въ совершеніи богослуженій. Примѣнительно къ Апостольскимъ правиламъ въ случаѣ непосѣщенія ими безъ уважительныхъ причинъ храма въ теченіе трехъ воскресныхъ дней въ рядъ они подвергаются каноническому взысканію.

3. Они должны донести Епархіальному Архіерею о родѣ своихъ занятій и условіяхъ своей жизни, а также сообщить Епархіальному Управленію свой адресъ и, въ случаѣ перемѣны адреса, немедленно сообщать о томъ Епархіальному Управленію;

4. Въ случаѣ возложенія на нихъ порученій со стороны Епархіальнаго Архіерея или настоятеля церкви, къ которой они приписаны, они должны принимать эти порученія къ неуклонному исполненію, а въ случаѣ невозможности исполненія такого порученія, представлять о томъ мотивированный докладъ.

5. Они должны всемѣрно поддерживать связь съ Церковью, какъ исправнымъ посѣщеніемъ и участіемъ въ совершеніи богослуженій, такъ равно посѣщеніемъ церковно-общественныхъ собраній, выпиской церковно-богослужебной литературы, посильнымъ своимъ личнымъ сотрудничествомъ, посѣщеніемъ въ каникулярное время монастырей, церковно-общественныхъ паломничествъ (Св. Владимірскій день, монастырскіе храмовые праздники, церковные юбилеи и проч.).

6. Они должны содѣйствовать просвѣщенію русской молодежи своимъ сотрудничествомъ въ Св. Владимірскихъ кружкахъ молодежи, въ церковно-приходскихъ школахъ и въ другихъ подобныхъ начинаніяхъ.

7. На епархіальныхъ съѣздахъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ приписные священники пользуются правомъ совѣщательнаго голоса, а при активномъ участіи въ дѣлахъ церковныхъ получаютъ награды въ общеустановленные сроки. Епархіальный Преосвященный имѣетъ право предоставить таковымъ священникамъ право рѣшающаго голоса на вышеуказанныхъ собраніяхъ.

8. Въ годичныхъ отчетахъ по приходу о.о. Настоятели даютъ свѣдѣнія и о приписныхъ къ ихъ храму священникахъ и другихъ клирикахъ.

О чемъ послать къ руководству циркулярный указъ всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

3/16 марта 1953 г. № 281.

Предсѣдатель Архіерейскаго Сунода
Митрополитъ АНАСТАСІЙ.

За Секретаря
Правитель Дѣлъ
Сунодальной Канцеляріи
Протоіерей Георгій ГРАББЕ.

Означенный Указъ объявляется подвѣдомому мнѣ духовенству къ свѣдѣнію и руководству примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ нашей епархіи.

Архіепископъ Берлинскій
и Германскій АЛЕКСАНДРЪ.

Секретарь Епархіальнаго
Управленія МАХАРОБЛИДЗЕ.

29 марта (11 апр.) 1953 г.
№ 324

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

1. Игуменъ ГЕОРГІЙ командированъ въ Висбаденъ въ помощь Настоятелю церкви для исполненія пастырскихъ обязанностей на Страстной и Свѣтлой седмицахъ, 17 (30) марта.

2. Настоятелю церкви въ Бременѣ-Лезитъ Архимандриту ГЕРМОГЕНУ разрѣшенъ заграничный мѣсячный отпускъ, 1 марта.

3. О. Благочинному церквей во Французской зонѣ протоіерею Іоанну ПИРОЖЕНКО разрѣшено и преподано Архипастырское благословеніе принять съ соблюденіемъ соотвѣтствующихъ св. каноновъ участіе въ созываемомъ 26-го апрѣля с.г. собраніи православныхъ и протестантовъ 18 (31) марта.

4. Исполняющимъ должность псаломщика при Свято-Троицкой церкви въ Ерлангинѣ утверждается Константинъ БРАГА, 12 марта.

5. Исполненіе псаломщическихъ обязанностей при Свято-Покровской церкви въ Аугустдорфѣ поручается М. А. ЗЕЛЕНКЕВИЧУ, 24 марта.

6. Избранные на обще-приходскомъ собраніи прихожанъ Свято-Прокопіевской церкви въ Любикѣ, состоявшемся 18 января с.г., въ Церковные Старосты В. А. Бѣлодѣдовъ, въ члены Приходскаго Совѣта: О. Г Вилькенъ, А. А. Вилькенъ, В. В. Штапельфельдъ, В. А. Папчель и А. Н. Садиковъ и въ Ревизіонную Комиссію: К. Е. Зиньковскій, Я. Штакельбергъ и Е. Соловьевъ утверждены 21 марта.

7. Избранные на Общемъ Приходск. Собраніи прихожанъ церкви имени Свв. Апостоловъ въ Амбергѣ, состоявшемся 28 декабря 1952 г., въ члены Приходскаго Совѣта И. Очинниковъ, А. Мартыновъ, В. Исаіевъ и И. Соколовъ, утверждены.

Исполненіе обязанностей Церковнаго Старосты, впредь до избранія новаго, поручается продолжать Б. А. Губину, 9 апрѣля.

НАГРАДЫ:

1. Настоятель церкви имени Свв. Апостоловъ въ Амбергѣ священникъ Александръ КОНДРАТЬЕВЪ, по вниманію къ отлично-усердной и ревностной службѣ Церкви Божіей, Высокопреосвященнѣйшимъ АЛЕКСАНДРОМЪ, Архіепископомъ Берлинскимъ и Германскимъ награжденъ ко дню Св. Пасхи КАМИЛАВКОЮ.

2. Выражена благодарность и преподано Архипастырское благословеніе съ выдачей граматы Церковнымъ дѣятелямъ и дѣятельницамъ: А) по Гармишпартенкирхенской Церковной Общинѣ: А. С. Зейберъ, П. Ф. Гетлихъ, Г. Г. Лангеръ, Татьянѣ П. Горачекъ, Надеждѣ М. Тарасовой, А. Г. Зоргенфрей, Нинѣ А. Андрецъ, Любови А. Миллеръ—27 марта. В) по Бадъ-Тольцкой Церковной Общинѣ: Е. И. Высоцкому 27 марта и Аннѣ Н. Высоцкой 31 марта.

ОТЪ АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРА.

Получивъ множество пасхальныхъ поздравленій отъ духовенства, разныхъ лицъ, учрежденій и организацій, и не имѣя возможности въ отдѣльности благода-

рить всѣхъ, приношу общую благодарность всѣмъ лицамъ и организаціямъ, почтившимъ меня поздравленіемъ и вниманіемъ и призываю на всѣхъ Божіе благословеніе.

Взаимно поздравляю всѣхъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ Христова Воскресенья.

Воистину Воскресе Христосъ!

Архіепископъ АЛЕКСАНДРЪ.

За послѣднее время по бѣженскимъ лагерямъ, домамъ престарѣлыхъ и другимъ мѣстамъ разсѣянія нашихъ православныхъ бѣженцевъ стали ходить неизвѣстные намъ священники, имѣнующіе себя православными, домогаясь служить въ нашихъ храмахъ.

Въ виду сего сообщается духовенству Православной Германской епархіи къ руководству, что подобные священники не могутъ быть допускаемы къ служенію въ нашихъ церквахъ, если не предъявятъ письменнаго документа о моемъ согласіи и благословеніи на это служеніе.

Равно и вѣрующіе не должны обращаться къ нимъ.

Архіепископъ Берлинскій
и Германскій АЛЕКСАНДРЪ.

Секретарь Епархіальнаго
Управленія Е. МАХАРОБЛИДЗЕ.

29 марта—11 апрѣля 1953 г. № 323. Мюнхенъ.

Отъ Епархіальнаго Управленія.

Напоминается духовенству епархіи, что въ день Вознесенія Господня—1 (14) мая надлежитъ произвести сборъ на Обще-Церковныя нужды Архіерейскаго Сѵнода Русской Православной Зарубежной Церкви, а въ Пятидесятницу — 11 (24) мая — на нужды епархіи.

Членъ Епископскаго Совѣта
Секретарь Епархіальнаго Управленія Е. МАХАРОБЛИДЗЕ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

1/14 марта Высокопреосвященнѣйшій Александръ, Архіепископъ Берлинскій и Германскій былъ приглашенъ на вечеръ, устроенный по случаю пріѣзда Предсѣдателя Американскаго Комитета Адмирала Стивенса. Такъ какъ этотъ день былъ будни и Архіепископъ совершалъ вечеромъ Всенощное бдѣніе, то Владыка уполномочилъ Члена Епископскаго Совѣта — Секретаря Епархіальнаго Управленія Е. И. Махароблидзе представлять особу Его Высокопреосвященства на пріемѣ Адмирала Стивенса. Е. И. Махароблидзе привѣтствовалъ его отъ имени Владыки, пожелавъ ему и Американскому Комитету успѣха въ борьбѣ противъ коммунизма—этого мірового зла, который русскому народу насильно прививается 35 лѣтъ путемъ безумнаго террора и концентраціонными лагерями, а по свободному міру легко распространяется.

14/27 марта въ день Ангела блаженной памяти Архіепископа Венедикта въ церквахъ епархіи и на могилѣ покойнаго были совершены панихиды по почившемъ Архипастырѣ.

Съ 15/28 марта — Лазаревой Субботы на Страстной и Свѣтлой седмицахъ и въ Ѳомино воскресенье Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Александръ богослуженія совершалъ въ Каѳедральномъ Соборѣ.

1/14 апрѣля въ Радоницу и наканунѣ Владыка Архіепископъ служилъ въ Каѳедральномъ Соборѣ. Послѣ Литургіи была совершена Вселенская Панихида и затѣмъ Владыка служилъ панихиды на могилахъ Митрополита Серафима, Митрополита Пантелеимона, Архіепископа Венедикта, Епископа Василія и др.

Часть неоффиціальная

Почему іудеи не узнали Мессіи въ Лицѣ Іисуса Христа?

Многіе, если не спросятъ, то задаются мыслью: почему, послѣ столь ясныхъ пророчествъ, іудеи могли не узнать Мессіи въ Лицѣ Іисуса Христа? Послѣ плѣна вавилонскаго народъ еврейскій дѣйствительно сдѣлался очень внимательнымъ къ Закону и Пророкамъ. Въ народѣ распространилось знаніе Закона и пророчествъ, и вслѣдствіе сего—было всеобщее ожиданіе грядущаго Мессіи. Однако же, пришедшего Мессію не призналъ и не принялъ еврейскій народъ. Чтобы понять — какъ это могло быть, — нужно знать внутреннее состояніе іудейской Церкви и народа во времена предъ пришествіемъ Христовымъ.

Состояніе сіе объясняется въ словахъ Господа: «На Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее» (Матѳ. XXIII, 2). Кто же были книжники и фарисеи, и въ какомъ отношеніи они стояли къ народу? Книжникъ, въ общемъ значеніи этого слова, есть человѣкъ свѣдущій, ученый (I Парал. XXVII, 32), какъ, напротивъ, люди изъ низшаго сословія, простые и необразованные, называются некнижными (Дѣян. IV, 13). Книжники, люди особенно свѣдущіе въ Писаніи, появляются въ еврейской исторіи, какъ народные законоучители, какъ наставники и руководители народа въ разумѣніи Закона и пророчествъ. Такихъ наставниковъ мы не видимъ въ древности. Они появляются уже послѣ плѣна, когда прекратился рядъ Боговдохновенныхъ учителей или пророковъ, и быстро начинаютъ размножаться со временъ Ездры. Народъ, уцѣломудренный плѣномъ, восчувствовалъ благоговѣніе къ забытому имъ закону Божію и пламенную ревность къ его познанію и изученію. При такой всеобщей ревности къ изученію Писанія открылась настоятельная потребность въ людяхъ свѣдущихъ въ Законѣ, которые бы могли руководить народомъ въ пониманіи Моисея и Пророковъ. Вызванное потребностью времени сословіе сихъ законовѣдцевъ, или богослововъ, постоянно возрастало до той многочисленности, въ какой оно является во времена Іисуса Христа.

Нельзя не сознаться, что книжники, понимая—на чемъ держится ихъ вліяніе на народъ, почти съ безпримѣрнымъ въ исторіи трудолюбіемъ и неутомимою ревностію занимались своимъ дѣломъ — изученіемъ Закона и Пророковъ. Плодомъ ревностнаго и неутомимаго изученія было полное и подробное знаніе священныхъ книгъ; но, къ сожалѣнію, это изученіе и знаніе остановились только на буквѣ Закона, нисколько не проникая въ его духъ, или въ его внутренній смыслъ. Конечно, такое уваженіе къ буквѣ держалось на благоговѣніи къ Закону, Богомъ изреченному, въ которомъ, слѣдовательно, каждое слово — есть Слово Самого Бога. Но эта привязанность къ буквѣ, хотя и выходила изъ добраго основанія, довела еврейскихъ богослововъ до крайностей въ изъясненіи Закона и превратилась въ изученіе совершенно внѣшнее, нисколько не проникающее въ духъ Закона. Такое внѣшнее буквальное значеніе Закона породило въ книжникахъ то сухое, безжизненное и мелочное направленіе, которое выражается и въ образѣ ихъ мыслей — въ пониманіи предписаній Закона, и въ образѣ ихъ фарисейской жизни — въ наружномъ лицемѣрномъ исполненіи Закона. Таящійся за буквой духъ—внутренній смыслъ и значеніе Закона были имъ невѣдомы. Все пониманіе и исполненіе Закона ограничивалось одною внѣшностью, обрядностью, формою. Въ изъясненіи Закона книжники составили множество толкованій, частію излишнихъ и безполезныхъ, частію софистическихъ и ложныхъ, какъ напримѣръ, они утверждали, что не имѣетъ значенія клятва храмомъ, но не позволительна клятва златомъ храма (Маѳ. XXIII, 16). Въ руководство къ исполненію Закона составили множество правилъ и предписаній, пустыхъ и безсмысленныхъ, которымъ придавали важность божественныхъ повелѣній, какъ напримѣръ: умытіе рукъ предъ обѣдомъ, омовеніе по возвращеніи съ торжища, обмытіе чашъ, кувшиновъ, котловъ и скамей (Мрк. VII, 3 — 4). Эти преданія старцевъ, происшедшія отъ самихъ же книжниковъ, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе размножались, и получили надъ народомъ такую-же, если не большую, силу и обязанность, какую имѣли Заповѣди Божіи (Мѳ. XV, 3 — 6). Такимъ образомъ книжники, съ одной

стороны обременяли народъ пустыми преданіями и предписаніями, которыя безъ нужды и пользы только увеличивали и безъ того тяжелое бремя законнаго рабства (Мѳ. XXIII, 4); а съ другой стороны, держали народъ въ ослѣпленіи, останавливая его на буквѣ, на формѣ и закрывая отъ него внутренній смыслъ и назначеніе Закона. Ограничивая всю праведность исполненіемъ обрядовъ и храненіемъ преданій, они подавляли въ народѣ сознаніе человѣческой немощи и необходимости въ Божественной помощи, къ чему долженъ былъ возводить людей законъ Моисеевъ. Посему-то Господь, обличая книжниковъ, говоритъ, что они, слѣпые и несмышленные вожди народа (Мѳ. XXIII, 16), взяли себѣ ключъ разумѣнія, но и сами не вошли въ истинное пониманіе Закона и желавшихъ войти не пустили. «Горе вамъ законникомъ, яко взясте ключь разумѣнія: сами не внидосте и входящимъ возбранисте (Лук. XI, 52). Таковы-то были книжники. И эти-то люди имѣли огромное, почти неограниченное, вліяніе на народъ и держали въ своей власти его умственную, религіозную и гражданскую жизнь.

Уваженіе, питаемое народомъ къ Закону, въ извѣстной мѣрѣ отражалось на его толкователей и изъяснителей. Народъ благоговѣлъ предъ ними, такъ что въ народномъ мнѣніи простой книжникъ стоялъ выше неученаго первосвященника. Во время Сихара они занимали мѣсто посреди вельможъ и пользовались великою славою и уваженіемъ въ народѣ. На нихъ смотрѣли, какъ на пророковъ: ихъ вліяніе было сильнѣе, чѣмъ вліяніе первосвященника. Такое уваженіе народа къ книжникамъ дало имъ возможность подчинить своему вліянію всю жизнь народа. Въ синагогахъ книжники, какъ свѣдущіе во всѣхъ догматахъ Моисеевой религіи и хранители священныхъ преданій, постоянно занимали мѣста истолкователей Закона и учителей народа. Въ народныхъ училищахъ они занимали мѣста учителей еврейскихъ юношей. Такимъ образомъ книжники были единственные люди, отъ которыхъ распространялось по Іудеѣ знаніе Закона, а этимъ знаніемъ и ограничивалось все образованіе у евреевъ. Народъ не зналъ другихъ мудрецовъ, кромѣ своихъ книжниковъ, — другихъ наставниковъ, кромѣ своихъ законоучителей. Подъ вліяніемъ ихъ идей и ихъ правилъ постоянно стоялъ народъ еврейскій въ своей умственной и религіозной жизни. Подъ ихъ вліяніемъ стояла также и гражданская жизнь народа. Законъ Моисеевъ опредѣлялъ не только внутреннюю, религіозную, но и внѣшнюю, гражданскую жизнь народа. Посему еврейскій богословъ былъ вмѣстѣ и законовѣдцемъ. Посему книжники, занимавшіе высокія мѣста въ синагогахъ, или въ религіозныхъ собраніяхъ, какъ богословы, должны были занимать высшія мѣста въ собраніяхъ правительственныхъ, какъ законовѣды.

Изъ Евангельской исторіи мы видимъ, что они были членами верховнаго судилища іудейскаго и по всей вѣроятности —имѣли преимущественную силу (Матѳ. XVI, 21; Марк. XI, 27; Лук. XX, I), и изъ среды ихъ нерѣдко былъ выбираемъ предсѣдатель судилища. Теперь понятно, что книжники, глубоко уважаемые народомъ, единственные его наставники и руководители, первыя лица въ синагогахъ и правительственныхъ собраніяхъ неограниченно господствовали надъ умами народа, надъ его понятіями, вѣрованіями и направленіями.

Такіе полномочные вожди народа, конечно, легко могли ввести его за собою въ Царство Мессіи: но, какъ сказалъ Господь, они и сами не входятъ въ Него и желающихъ войти не допускаютъ, а затворяютъ Царствіе Небесное предъ человѣки (Матѳ. XXIII, 13), затворяютъ Его и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, и, гдѣ нужно, своею внѣшнею властію. Ихъ исключительно буквальное пониманіе Закона, ихъ безжизненное коснѣніе на одной его внѣшности, встрѣчаетъ новое, совершенно противоположное направленіе въ ученіи Спасителя, которое есть духъ и жизнь (Іоан. VI, 63). Книжникамъ оставалось одно изъ двухъ: или сознаться, что они, учители народа, всю жизнь почивающіе на Законѣ, не поняли въ немъ главнаго и существеннаго, что все ихъ пониманіе крайне поверхностно и односторонне, или — не отрекаясь отъ своихъ вѣковыхъ религіозныхъ понятій и убѣжденій въ своемъ глубокомъ знаніи Закона, не принять ученіе Христово, какъ ученіе новое, противное закону Моисееву и только обольщающее народъ (Іоан. VII, 12). И не такимъ людямъ, каковы были книжники, слишкомъ самоувѣренные въ своемъ знаніи и пониманіи Закона (Іоан. IX, 34), трудно было бы вдругъ отречься отъ всѣхъ своихъ привычныхъ взглядовъ, отъ застарѣлыхъ убѣжденій и вѣрованій. Божественное Слово Учителя—Спасителя, раскрывающее сущность христіанской любви, умягчающее строгость Закона и возвышающее духъ его, представлялось имъ, при ихъ безусловной привязанности къ буквѣ Закона, явнымъ противорѣчіемъ Моисею, отмѣненіемъ законныхъ заповѣдей (Матѳ. V, 43—47). Ихъ

буквальному пониманію Закона срываніе класовъ или исцѣленіе больного въ субботу казалось нарушеніемъ субботняго покоя (Матф. XII, 2, 10), неумытіе рукъ предъ обѣдомъ—грѣхомъ великимъ и тяжкимъ (Марк. VII, 5), допущеніе къ себѣ мытарей и грѣшниковъ—оскверненіемъ чистоты (Лук. XV, 2). Въ этой то рабской, слѣпой и упорной привязанности книжниковъ к буквѣ и внѣшности Закона и скрывается первое начало той вражды, съ которою они встрѣтили и постоянно преслѣдовали ученіе Спасителя. Увѣренные въ непогрѣшительности своихъ мнѣній, они видѣли въ ученіи Господа ученіе совершенно противоположное своимъ мнѣніямъ и вѣрованіямъ, слѣдовательно, на ихъ взглядъ противное Закону и истинѣ; неутомимо слѣдили за Божественнымъ Учителемъ, вынуждали у Него отвѣты на многое, подъискиваясь подъ Него (Лук XI, 53—54), и совѣтовались между собою — какъ бы уловить Его въ словахъ (Матѳ. XXII, 15). Они видѣли въ Немъ льстиваго учителя, который впрочемъ, опасенъ не для нихъ, непоколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но для простого народа, для невѣждъ въ Законѣ (Іоан. VII, 48—49). Но они имѣли въ рукахъ всѣ средства остановить стремленіе народа къ новому Учителю.

Дорого человѣку его внутреннее глубокое убѣжденіе, это правда, и способенъ онъ всѣми силами отстаивать свое направленіе, особенно — укрѣпленное временемъ и проникнувшее во всѣ стороны жизни. И чѣмъ исключительнѣе и одностороннѣе это направленіе, каково оно было въ іудейскихъ законникахъ, тѣмъ оно ближе къ ослѣпленію и упорству. Но и истина говоритъ сама за себя. Если бы въ книжникахъ, при всей ихъ односторонности въ разумѣніи Закона, была искренняя любовь къ истинѣ, — они не могли бы не признать Божественную силу и величіе ученія Христова. И одна только односторонность, заблужденіе мысли, едва ли бы могла возжечь въ нихъ ту страшную злобу и непримиримую ненависть, съ которой они преслѣдовали Господа во все время Его земного служенія, и наконецъ — вознесли Его на крестъ. И точно, въ нихъ дѣйствовало противъ Іисуса Христа не одно только заблужденіе, не сила только ложной мысли, но страсть и ужаснѣйшая изъ страстей — духовная гордость.

Почти всѣ книжники были изъ секты фарисейской, господствовавшей въ Іудеѣ. Фарисейская секта образовалась послѣ плѣна, обративъ въ свою исключительную собственность тѣ строгія правила благочестія и набожности, которымъ вначалѣ слѣдовали и всѣ іудеи по возвращеніи изъ Вавилона.

Фарисеи вначалѣ были строгіе ревнители и блюстители Закона Моисеева, отличавшіеся особеннымъ благочестіемъ и праведностію. Таковыми были немногіе изъ нихъ и во времена евангельскія, какъ напримѣръ: Савлъ, Никодимъ (Іоан.III,1), Гамаліилъ (Дѣян. V, 34). Но большинство фарисеевъ давно уже потеряло свой первоначальный характеръ. Мало-по-малу ихъ праведность теряла внутреннюю силу — искренность и любовь къ Закону, переходила въ праведность только внѣшнюю, наружную, лицемѣрную. Самомечтательность есть признакъ внутренней пустоты... Праведность фарисеевъ, по мѣрѣ того, какъ оскудѣвала въ своей внутренней силѣ, сдѣлалась кичливою, самомнительною, искала во внѣшнихъ почестяхъ и уваженіи народа восполненія своей внутренней пустоты. Внутренній характеръ фарисейства есть духовная гордость, высокое мнѣніе о своей святости и праведности. И какъ гордость сія опиралась на совершенства мнимыя и мечтательныя, то была, съ одной стороны, высокомѣрная и до крайности презрительна ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ фарисейской сектѣ, а съ другой стороны — до крайности честолюбива и тщеславна, искала внѣшнихъ почестей и уваженія. Фарисеи не признаютъ въ себѣ людей обыкновенныхъ, немощныхъ и грѣшныхъ, такихъ, „якоже прочіи человѣцы" (Лук. XVIII, 11), но видятъ въ себѣ великихъ праведниковъ, безукоризненныхъ и безгрѣшныхъ блюстителей Закона и преданій. Смотрятъ они на простой народъ, какъ на невѣждъ въ Законѣ и грѣшниковъ (Іоан. VII, 49), къ которымъ самое прикосновеніе нечисто (Лук. VII, 39), и всякая близость къ нимъ осквернительна (Матѳ. XI, 19). Ослѣпленные гордостію, они хотятъ, чтобы народъ уважалъ ихъ, какъ пророковъ. Народное уваженіе и воздаваемыя имъ почести они принимаютъ, какъ должное поклоненіе ихъ святости, какъ законную дань ихъ праведности. А между тѣмъ, праведность фарисеевъ — одно лицемѣріе, только личина, подъ которой скрывались ихъ страсти, только средство, которымъ пользовалось ихъ честолюбіе, или орудіе, которымъ они покоряли себѣ умы и сердца народа. И этимъ орудіемъ они совершенно достигли своей цѣли. Если фарисеи сильны были въ народѣ, какъ книжники, учители Закона: то еще больше имѣли они вліяніе на народъ, какъ праведники и ревнители Закона. И вообще — внѣшность всегда сильно дѣйствуетъ на народъ. Но фарисейская праведность еще имѣла надъ нимъ

особенную силу потому, что народъ, обратившійся къ благочестію, былъ способнѣе, чѣмъ когда-нибудь, покоряться внѣшнему вліянію благочестія, и расположеннѣе, чѣмъ когда-нибудь, уважать въ фарисеяхъ образцы предписанныхъ Закономъ добродѣтелей, безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, съ полною вѣрою въ ихъ чистоту и святость. Въ древнія времена народъ не могъ равнодушно слушать обличеній пророческихъ: теперь онъ смиренно переноситъ самое презрѣніе къ себѣ фарисеевъ, считая себя дѣйствительно нечистымъ и грѣшнымъ предъ этими праведниками. Фарисеи, съ своей стороны, дѣлали все, чтобы придать внѣшности своего благочестія какъ можно большую силу и вліяніе и за внѣшностію совершенно скрыть отъ глазъ народа внутренній духъ и побужденія своей мнимой праведности. Самъ Спаситель свидѣтельствуетъ, что фарисеи по внѣшности представляются людьми праведными (Матѳ. XXIII, 28) и все свое благочестіе стараются выставить на-показъ, вся дѣла своя творятъ, „да видимы будутъ человѣки" (— 5). Они показываютъ предъ народомъ самую пламенную ревность къ Закону и самую строгую точность въ соблюденіи преданій (Матѳ. XII, 2; Лук. XI, 38; Іоан. IX, 16), — желая явить въ себѣ ревнителей Закона и благочестія, они принимаютъ далекія путешествія, чтобы обратить въ іудейство хотя одного иноплеменника (Матѳ. XXIII, 15), строятъ гробницы Пророкамъ и украшаютъ памятники праведниковъ.

Архіепископъ Александръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ указаніяхъ Церковнаго Устава въ отношеніи Богослуженій Великаго Пятка и Великой Субботы.

Наше зарубежное духовенство рѣдко теперь имѣетъ возможность пользоваться и руководствоваться непосредственно основной богослужебной книгой, опредѣляющей весь богослужебный строй — Церковнымъ Уставомъ или Типикономъ. Поэтому обычно довольствуются тѣми указаніями, которыя ежегодно даются въ особыхъ прекрасныхъ и практически незамѣнимоцѣнныхъ приложеніяхъ къ «Троицкому Православному Календарю». Такъ какъ эти приложенія носятъ заглавіе «Типиконъ, сіесть Церковный Уставъ», то создается впечатлѣніе, что они являются точнымъ, хотя бы и сокращеннымъ, воспроизведеніемъ указанной книги Церковнаго Устава. Между тѣмъ отдѣльные обладатели этихъ календарныхъ приложеній, такъ сказать календарнаго Типикона, получая случайную возможность ознакомленія съ содержаніемъ книги «Церковнаго Устава», приходятъ въ большое недоумѣніе, замѣчая, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ указанія календарнаго типикона въ той или другой мѣрѣ расходятся съ тѣмъ, что указывается въ Церковномъ Уставѣ. Объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что календарный типиконъ представляетъ собою не всегда точное воспроизведеніе указаній Ц. Устава, но по временамъ обрисовываетъ живую современную богослужебную практику, поскольку послѣдняя представляетъ собою дальнѣйшее развитіе той богослужебной практики, которая запечатлѣна въ Ц. Уставѣ; при чемъ эта современная практика предлагается часто въ томъ мѣстномъ видѣ, какой она получила въ юго-западной Руси подъ литургическимъ вліяніемъ Почаевской Лавры. Поэтому отмѣчаемые внимательными читателями календарнаго типикона и Ц. Устава случаи расхожденія указаній того и другого очень поучительны въ смыслѣ ознакомленія съ характерными моментами историческаго, такъ сказать, перерастанія живой богослужебной практики изъ древнихъ литургическихъ формъ, запечатлѣнныхъ нѣкогда въ Ц. Уставѣ.

Въ связи съ только что пережитой Страстной Седмицей представляетъ особенный интересъ остановиться вниманіемъ на нѣсколькихъ такихъ случаяхъ, касающихся богослуженій Вел. Пятка и Великой Субботы.

1. На утрени 12 евангелій или Страстей Христовыхъ календарный типиконъ указываетъ слѣдующій порядокъ. При пѣній аллилуія и тропаря «Егда славніи» іерей, облаченный въ фелонь, износитъ Евангеліе на средину церкви, кадитъ алтарь и всю церковь. Евангеліе читается на срединѣ храма на аналоѣ. Кажденіе предъ каждымъ евангеліемъ начинается отъ анолоя съ евангеліемъ, т.е. со середины

ны церкви и продолжается при полномъ кажденіи—кажденіемъ алтаря и всей церкви, при маломъ — кажденіемъ «съ солеи иконостаса, пѣвчихъ и народа». По чтеніи всѣхъ 12 евангелій Евангеліе вносится въ алтарь и полагается на престолѣ. По Ц. Уставу изнесеніе Евангелія на средину храма, при пѣніи тропаря «Егда славніи», и внесеніе его снова въ алтарь по окончаніи чтенія (на срединѣ храма на аналоѣ) не указывается. Всѣ евангелія по Ц. Уставу читаются въ алтарѣ на престолѣ, почему и кажденіе предъ каждымъ евангеліемъ ограничивается только кажденіемъ «святой трапезы», т.е. престола, на которомъ въ это время возложено и читается Евангеліе. Порядокъ изнесенія Евангелія на средину храма и чтеніе тамъ всѣхъ евангелій вошелъ въ церковную практику только въ сравнительно недавнее время, для болѣе удобнаго для молящихся слышанія и воспріятія содержанія евангельскихъ чтеній. Въ связи съ этимъ потребовалось измѣнить и порядокъ кажденія предъ каждымъ евангеліемъ: такъ какъ Евангеліе возлежитъ и читается теперь, вмѣсто престола, на аналоѣ посреди церкви, то и кажденію теперь приличествуетъ быть вокругъ аналоя съ Евангеліемъ, а не вокругъ престола, и совершающій кажденіе вовсе не входитъ въ алтарь, а кадитъ только съ солеи къ престолу и иконостасу, а потомъ (что Ц. Уставъ совсѣмъ не предвидитъ) къ клиросамъ и къ народу.

2. Возбуждаетъ особенно сильное недоумѣніе внимательныхъ читателей Ц. Устава, что въ немъ нѣтъ ни одного слова объ изнесеніи св. плащаницы на вечерни Вел. Пятка, и порядокъ дѣйствованія съ плащаницей на утрени Вел. Субботы отличенъ отъ порядка, указываемаго календарнымъ типикономъ. Въ послѣднемъ указанъ слѣдующій порядокъ на утрени: при пѣніи тропаря на Богъ Господь «Благообразный Іосифъ» царскія врата открываются; священники въ черныхъ фелоняхъ исходятъ къ плащаницѣ, на средину храма, и начинаетъ предстоятель со діакономъ кажденіе плащаницы съ четырехъ сторонъ, алтаря и всего храма. Въ началѣ второй и третьей статьи совершается малое кажденіе, начиная отъ плащаницы... При пѣніи «Преблагословенна» исходятъ священники предъ плащаницу (на средину храма). Предстоятель на срединѣ храма возглашаетъ—«Слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ». И поютъ славословіе великое. Предстоятель трижды кадитъ вокругъ плащаницы. Трисвятое обычное; послѣднее же — распѣвомъ погребальнымъ. И поднимаютъ св. плащаницу и обносятъ крестнымъ ходомъ вокругъ храма. Священники несутъ плащаницу; предстоятель подъ нею съ Евангеліемъ. Входятъ въ храмъ. Плащаницу доносятъ до царскихъ вратъ. Предстоятель, по окончаніи пѣнія трисвятаго, возглашаетъ — «Премудрость прости». И возвращаются на средину храма и полагаютъ плащаницу на гробѣ, а сверхъ нее Евангеліе, и совершается троекратное кажденіе вокругъ плащаницы. Все прочее послѣдованіе и чтеніе Евангелія совершается предъ плащаницей на срединѣ храма.

Въ Ц. Уставѣ порядокъ значительно другой. До великаго славословія нѣтъ никакого упоминанія о плащаницѣ. Она мыслится находящейся въ алтарѣ. Не говорится также объ исхожденіи священнослужителей на средину храма на пѣніе непорочныхъ: они мыслятся находящимися въ это время также въ алтарѣ, а самые непорочны-похвалы со стихами 17 кафизмы поются полностью на оба клироса. Въ началѣ второй и третьей статьи настоятель кадитъ только «иконы краевыя и лики». По великомъ славословіи «входитъ настоятель во св. алтарь со іереи и діаконы, и облачается во всѣ священныя одежды (іереи токмо въ ризы (и исходитъ со Евангеліемъ подъ плащаницей, поддержащимъ священникомъ, діакономъ же кадящимъ». Ни о томъ, чтобы плащаница до этого времени возлежала на престолѣ, ни о кажденіи ея и престола въ моментъ предъ изнесеніемъ ея нѣтъ никакого упоминанія. Слововыраженіе Устава: исходитъ со евангеліемъ подъ плащаницей показываетъ, что какъ главный предметъ, съ которымъ исходитъ здѣсь настоятель, мыслится не плащаница, а Евангеліе, что это по существу есть малый входъ съ Евангеліемъ, несомымъ въ данномъ случаѣ, подъ сѣнью плащаницы, а не входъ съ плащаницей, лишь дополняемый Евангеліемъ (какъ это мыслится теперь): иначе говоря — входъ со Евангеліемъ, дополняемый несомой надъ нимъ плащаницей. Входъ же со Евангеліемъ положенъ здѣсь потому, что затѣмъ слѣдуетъ чтеніе Евангелія. Такой входъ со Евангеліемъ послѣ великаго славословія и чтеніе его были положены на каждой воскресной утрени наидревнѣйшаго типа. На утрени Великой Субботы Евангеліе выносилось при болѣе торжественной обстановкѣ и соотвѣтствующимъ содержанію службы и евангельскаго чтенія осложненіи: выносилось покрытое

или осѣняемое большимъ воздухомъ съ изображеніемъ погребенія Спасителя *) и при особомъ грустно-торжественномъ пѣніи положеннаго послѣ великаго славословія трисвятого. Затѣмъ, прежде чѣмъ подойти, въ порядкѣ малаго входа, къ царскимъ вратамъ, іерей направляется къ уготовленному на срединѣ храма столу, устроенному во образъ гроба, и плащаницу полагаетъ (безъ кажденія) и оставляетъ на этомъ столѣ, а самъ, въ порядкѣ малаго входа идетъ уже съ однимъ Евангеліемъ къ царскимъ вратамъ, дѣлаетъ обычный возгласъ малаго входа «премудрость прости» и входитъ въ алтарь, полагаетъ Евангеліе на престолъ, на которомъ потомъ и читаетъ Евангеліе. На весь конецъ утрени онъ остается въ алтарѣ. По отпустѣ же утрени Ц. Уставъ указываетъ «цѣлованіе на плащаницѣ положенія во гробъ». При этомъ Ц. Уставъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое свидѣтельствуетъ, что къ моменту наличной редакціи Ц. Устава вышеописанное священодѣйствіе съ плащаницей было еще новымъ моментомъ въ развитіи богослужебнаго послѣдованія великосубботней утрени, пока еще вошедшимъ въ практику только монастырей, гдѣ уже имѣлись для сего уготованные плащаницы; въ другихъ же храмахъ, приходскихъ, онѣ не вездѣ имѣлись и потому никакого изнесенія ее за этой утреней еще не совершалось; въ этихъ храмахъ по окончаніи великосубботней утрени совершалось цѣлованіе просто образа Спасителя. «И бываетъ, говорится въ Церк. Уставѣ, цѣлованіе во обители на плащаницѣ положенія во гробѣ; а иде же несть плащаницы, цѣлуютъ образъ». Наша богослужебная тріодь постная получила наличную редакцію въ тотъ моментъ, когда богослужебная практика еще ничего не знала объ употребленіи плащаницы: по ней на великосубботней утрени, по великомъ славословіи, священникъ облачается во всю священническую одежду и входитъ со святымъ Евангеліемъ». Постепенно новый монастырскій обычай священнодѣйствованія съ плащаницей сталъ всеобдержнымъ обычаемъ, а потомъ и правиломъ для всѣхъ храмовъ. Дальнѣйшій моментъ въ развитіи чина дѣйствованія съ плащаницей на утрени Вел. Субботы заключался въ томъ, что постепенно въ сознаніи молящихся плащаница, осѣняющая при маломъ входѣ Евангеліе, получила доминирующее, по сравненію съ несомымъ подъ ней Евангеліемъ, значеніе и самый этотъ входъ съ евангеліемъ сталъ сознаваться не какъ входъ съ Евангеліемъ, а какъ входъ съ плащаницей, дополняемой Евангеліемъ. Центръ тяжести перешелъ съ Евангелія на плащаницу, а въ зависимости отъ этого явилась надобность измѣненія обычнаго порядка малаго входа съ Евангеліемъ. Обычный малый входъ съ Евангеліемъ требовалъ послѣ возгласа у царскихъ вратъ «премудрость прости» вхожденіе іерея съ Евангеліемъ въ алтарь; когда же этотъ входъ сталъ въ сознаніи молящихся входомъ съ плащаницей, лишь дополняемой Евангеліемъ, то онъ психологически требовалъ того, чтобы іерей съ Евангеліемъ шелъ не въ алтарь, а оставался бы при плащаницѣ и здѣсь читалъ Евангеліе и оставался до конца службы. Новый шагъ въ развитіи чина дѣйствованія съ плащаницей за утреней состоялъ въ удлиненіи этого малаго входа и увеличеніи размѣровъ плащаницы, бывшей первоначально лишь большимъ воздухомъ съ вышитымъ на немъ изображеніемъ погребенія Спасителя. Шествіе іерея съ плащаницей на головѣ само по себѣ такъ трогательно—образно напоминало о шествіи нѣкогда Іосифа и Никодима съ тѣломъ Спасителя отъ креста ко гробу, что благочестивое чувство молящихся требовало возможно большаго продленія этого момента, путемъ удлиненія этого малаго входа такъ, чтобы іерей съ плащаницей шелъ изъ сѣверныхъ вратъ алтаря не прямо къ царскимъ вратамъ, а черезъ всю церковь, и затѣмъ кругомъ ея торжественнымъ шествіемъ — крестнымъ ходомъ. Однако при этомъ и далѣе сохранялся характеръ этого шествія, какъ именно малаго входа съ Евангеліемъ. Обойдя вокругъ церкви іерей все таки, въ порядкѣ малаго входа, долженъ подходить къ царскимъ вратамъ, произносить возгласъ «премудрость прости» и затѣмъ уже возвращаться ко «гробу» на срединѣ храма и класть плащаницу съ Евангеліемъ на гробъ

3. Когда плащаница получила въ церковномъ сознаніи особо важное значеніе для цѣли наиболѣе глубокаго и яркаго переживанія воспоминаемаго въ Велик. Субботу событія — погребенія Спасителя, почувствовалась духовная неудовлетворенность тѣмъ, что лицезрѣніе плащаницы съ изображеннымъ на ней образомъ погребенія Спасителя, предлагалось только въ самый заключительный моментъ великосубботней утрени и что къ этому

*) Первоначальное назначеніе здѣсь этого воздуха было замѣнить, обычно находящееся на передней крышкѣ Евангелія, изображеніе воскресенія Христова болѣе соотвѣтствующимъ содержанію и характеру великосубботней утрени изображеніемъ погребенія Спасителя.

не предоставлялась возможность ни во всемъ предшествующемъ послѣдованіи утрени, ни за относящейся къ Великой Субботѣ великой вечерней Вел. Пятка. Въ литургическомъ сознаніи Церкви родилась мысль о изнесеніи плащаницы за вечерней Вел. Пятка и именно въ тотъ моментъ ея послѣдованія, когда на ней воспоминанія крестныхъ страданій и смерти Спасителя переходятъ въ воспоминанія о его погребеніи — послѣ евангельскаго чтенія, заканчивающагося повѣствованіемъ о погребеніи Спасителя, и стихиръ стиховныхъ, посвященныхъ именно погребенію Спасителя, при пѣніи послѣдней чудной стихиры — „Тебѣ одѣющагося" и тропаря „Благообразный Іосифъ". Календарный типиконъ изображаетъ общепринятую практику изнесенія плащаницы здѣсь такимъ образомъ: — на стиховнѣ. . . , на „слава и нынѣ" царскія врата отверзаются. . . поется стихира „Тебѣ одѣющагося". Предстоятель въ полномъ облаченіи кадитъ съ діакономъ трижды съ четырехъ сторонъ плащаницу, лежащую на престолѣ... Тропарь „Благообразный Іосифъ". . . и бываетъ выносъ плащаницы изъ алтаря сѣверными вратами на средину храма. Предстоятель съ Евангеліемъ идетъ подъ плащаницей. И полагается на гробѣ плащаница, а сверхъ ее Евангеліе... Нетрудно догадаться, что весь этотъ чинъ изнесенія плащаницы построенъ совершенно точно по образу ее изнесенія за утреней, т.е. въ порядкѣ малаго входа съ Евангеліемъ. Конечно, со строго литургической точки зрѣнія такое построеніе нельзя назвать соотвѣтствующимъ литургическому строю вечерни. На утрени Вел. Субботы малый входъ съ Евангеліемъ послѣ великаго славословія составляетъ ея органическую часть: Евангеліе износится въ порядкѣ малаго входа по той причинѣ, что оно должно тотчасъ же читаться; на вел. вечерни Вел. Пятка это чтеніе Евангелія и его изнесеніе въ порядкѣ малаго входа уже было прежде изнесенія плащаницы, и теперь уже совершается второй малый входъ и тожесъ Евангеліемъ, но только подъ плащаницей, хотя вторичнаго чтенія Евангелія вовсе не предстоитъ. Такимъ образомъ, съ литургической точки зрѣнія изнесеніе Евангелія при изнесеніи плащаницы на вечерни не имѣетъ основанія. Не имѣетъ такого основанія и самое наличіе второго малаго входа съ его характерными признаками: подхожденіе къ царскимъ вратамъ и возгласъ «премудрость прости». Основаніемъ всего этого является лишь благоговѣйное стремленіе полнаго уподобленія выноса плащаницы за вечерней ее выносу за утреней. Нашъ знаменитый церковный витія XIX вѣка Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, изнесенію за вечерней вмѣстѣ съ плащаницей Евангелія и возложенію послѣдняго на плащаницѣ даетъ глубокій символическій смыслъ: Евангеліе на плащаницѣ—это книга завѣщанія лежащаго во гробѣ Спасителя. Облаченіе іерея для изнесенія плащаницы на вечерни въ полное облаченіе, конечно, также введено по подражанію ее изнесенію на утрени. Но на утрени положено Уставомъ переоблачаться въ полное облаченіе не ради собственно плащаницы (которой въ древнее время, какъ видно изъ указаній тріоди постной и вовсе не было), а ради предстоящего торжественнаго чтенія имъ Евангелія (какъ это имѣетъ мѣсто на вечерни перваго дня Пасхи). На вечерни же Вел. Пятка по выносѣ плащаницы такого чтенія Евангелія нѣтъ, такъ какъ оно уже прочтено раньше; поэтому и эта подробность наличной практики изнесенія плащаницы на вечерни не имѣетъ строго литургическаго основанія; но она имѣетъ и свое глубокое оправданіе въ томъ священномъ величіи, которое постепенно получила плащаница въ церковномъ сознаніи (по той же причинѣ положено іерею облачаться въ полное облаченіе и при выносѣ св. креста въ праздникъ Воздвиженія, 1 августа и въ крестопоклонное воскресеніе).

4. Съ установленіемъ практики изнесенія плащаницы на средину храма уже на вечерни Вел. Пятка съ необходимостью должно было послѣдовать измѣненіе и всего дѣйствованія съ плащаницей на великосубботней утрени. Такъ какъ теперь плащаница возлежитъ на срединѣ храма съ самаго начала утрени, то на пѣніе непорочныхъ священнослужители уже не остаются въ алтарѣ, а исходятъ на средину храма къ плащаницѣ — какъ бы къ священному сердцу всего богослуженія и остаются здѣсь до конца этого пѣнія; всѣ кажденія на статьяхъ начинаются отъ плащаницы. Но особенно сильное измѣненіе послѣдовало въ порядкѣ дѣйствованія съ плащаницей на великомъ славословіи. По Уставу здѣсь должно бы происходить первое и единственное изнесеніе плащаницы изъ алтаря и при томъ въ порядкѣ малаго входа съ Евангеліемъ. Между тѣмъ по новому порядку плащаница къ этому времени уже изнесена изъ алтаря и возлежитъ на срединѣ храма; равно и самое Евангеліе, необходимое для входа, находится уже не въ алтарѣ, а на плащаницѣ на срединѣ храма. Какъ же тутъ быть? Въ этомъ отноше-

ніи въ современной церковной практикѣ существуютъ два порядка. Одинъ и наиболѣе принятый порядокъ описанъ въ календарномъ типиконѣ. По нему іерей предъ великимъ славословіемъ исходитъ царскими вратами на средину храма къ плащаницѣ, здѣсь совершаетъ кажденіе плащаницы во время пѣнія вел. славословія и затѣмъ поднимаетъ ее и прямо съ средины храма несетъ ее (а подъ нею Евангеліе), къ дверямъ храма; затѣмъ обноситъ вокругъ храма, а возвратившись въ храмъ доноситъ ее до самыхъ царскихъ вратъ, гдѣ произносится возгласъ: „премудрость прости" и, наконецъ, идетъ на средину храма, гдѣ и полагаетъ съ Евангеліемъ на „гробѣ". Но этотъ порядокъ имѣетъ ту слабую сторону, что онъ рѣшительно порываетъ со своей первоначальной литургической основой — теряетъ самыя основныя черты малаго входа съ Евангеліемъ. Малый входъ съ Евангеліемъ есть непремѣнно выходъ 1) изъ алтаря, 2) черезъ сѣверныя двери. Здѣсь же шествіе съ плащаницей и Евангеліемъ направляется не изъ алтаря черезъ сѣверныя двери его, а прямо съ середины храма вокругъ храма. Это литургически уже совсѣмъ другой родъ шествія, чѣмъ малый входъ. Если же это уже не малый входъ съ Евангеліемъ чрезъ сѣверныя двери, тогда уже теряютъ всякое литургическое основаніе и даже вообще становятся необъяснимыми такіе моменты, какъ несеніе подъ плащаницей Евангелія, подхожденіе съ плащаницей и Евангеліемъ послѣ крестнаго хода къ царскимъ вратамъ, возгласъ „премудрость прости". Вѣдь всѣ эти моменты суть принадлежность малаго входа съ Евангеліемъ, тогда какъ самаго этого малаго входа въ его основной структурѣ — выходъ изъ алтаря сѣверными дверями — здѣсь уже нѣтъ. Поэтому съ литургической точки зрѣнія болѣе правиленъ другой, хотя и менѣе распространенный, но, навѣрно, болѣе первоначальный порядокъ, въ отношеніи котораго первый порядокъ является не совсѣмъ литургически удачнымъ упрощеніемъ. Этотъ второй порядокъ удерживаетъ свою уставную литургическую основу — порядокъ малаго входа съ Евангеліемъ — слѣдующимъ образомъ. Предъ великимъ славословіемъ священнослужители исходятъ изъ алтаря къ плащаницѣ, но не остаются около нея на срединѣ храма, а тотчасъ поднимаютъ ее съ Евангеліемъ, вносятъ царскими вратами въ алтарь и полагаютъ на престолѣ. Здѣсь въ алтарѣ предъ плащаницей іерей произноситъ возгласъ „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ"; во время пѣнія великаго славословія совершаетъ кажденіе вокругъ престола съ возлежащей на немъ плащаницей. Во время же пѣнія трисвятаго вземлетъ плащаницу, съ Евангеліемъ надъ ней, и износитъ сѣверными дверьми на солею, а отсюда идетъ уже крестнымъ ходомъ (въ порядкѣ удлиненнаго малаго входа) вокругъ храма. Такимъ образомъ основная структура малаго входа съ Евангеліемъ 1) изъ алтаря, 2) чрезъ сѣверныя двери здѣсь сохраняется. И тогда только становятся литургически обоснованными и наличіе прочихъ чертъ малаго входа: несеніе подъ плащаницей Евангелія; подхожденіе, послѣ крестнаго хода, съ плащаницей къ царскимъ вратамъ; возгласъ „Премудрость прости".

5. Послѣ того, какъ св. плащаница стала въ церковномъ сознаніи какъ бы священнымъ сердцемъ всего великосубботняго богослуженія, литургическое развитіе священнодѣйствія съ плащаницей здѣсь дѣлаетъ еще новое дальнѣйшее и завершительное движеніе. Церковный уставъ, послѣ замѣчанія о цѣлованіи плащаницы по отпустѣ великосубботней утрени не содержитъ въ дальнѣйшемъ уже никакого упоминанія о томъ, чтобы плащаница возлежала на срединѣ храма во время великосубботней литургіи и чтобы наличіемъ ея здѣсь обусловливались какіе-либо новые моменты въ послѣдованіи этой литургіи. Развивающаяся литургическая практика дѣлаетъ плащаницу центромъ, около котораго сосредоточивается все послѣдованіе этой литургіи. Предъ плащаницей, какъ предъ образомъ гроба Господня, читаются священникомъ свѣтиличныя молитвы и произносятся діакономъ эктеніи. Предъ плащаницей читаются переміи со стихами между ними, и апостолъ. Но, главное, предъ плащаницу исходитъ діаконъ и даже (идеже несть діаконъ) іерей, чтобы, какъ нѣкогда ангелъ на камени гробномъ, евангельскимъ чтеніемъ впервые возгласить радостную вѣсть о Христовомъ воскресеніи. Вокругъ плащаницы совершаются малый и великій входы.

При пѣніи „Воскресни Боже" по Ц. Уставу „извлачаются іереи и діаконъ отъ одеждъ „черныхъ и облачаются въ бѣлыя". Современная (хотя и далеко не повсемѣстная) церковная практика, описываемая въ календарномъ типиконѣ, расширила это предписаніе Ц. Устава, присоединивъ къ переоблаченію въ бѣлыя одежды также переоблаченіе св. престола и жертвенника и даже всѣхъ аналоевъ во всемъ храмѣ, „чтобы было въ храмѣ все бѣлое". Такое расширеніе, съ литургической точки зрѣнія, нельзя назвать удачнымъ. Оно потребовало, прежде всего, какъ видимъ изъ календарнаго типикона, литургически недопусти-

маго закрытія царскихъ вратъ и даже завѣсы на чтеніе апостола и пѣніе „Воскресни Боже". Но апостолъ (равно какъ и Евангеліе) на литургіи непремѣнно должны быть читаемы при открытыхъ царскихъ вратахъ, что органически связано съ тѣмъ, что предстоятель и прочіе іереи должны въ это время на виду народа сидѣть на горнемъ мѣстѣ, лицемъ къ народу, торжественно и открыто возглавляя такимъ образомъ весь сонмъ внимающихъ чтенію. Далѣе, это нововводимое расширеніе уставнаго требованія приводить къ тому, что кажденіе приходится совершать только „въ началѣ апостола". Но это кажденіе на лигургіи вообще вовсе не относится къ апостолу, а къ предстоящему чтенію Евангелія, и его настоящее мѣсто вовсе не во время апостола (во время котораго іерей, сидя на горнемъ мѣстѣ, а діконъ, стоя въ алтарѣ, должны лишь со всемъ вниманіемъ слушать читаемое), а во время троекратнаго пѣнія „аллилуія" со стихами.

Пѣніе же „аллилуіа" не является вовсе, такъ сказать, привѣскомъ къ апостолу (какъ многіе думаютъ), а есть, подобно прокимну предъ апостоломъ, торжественное предвареніе чтенія Евангелія; и именно во время этого пѣнія, предваряющаго Евангеліе, надлежитъ совершать предваряющее чтеніе Евангелія кажденіе. Такъ оно въ древности и совершалось и такъ положено и нынѣ въ архіерейскомъ Чиновникѣ. Практика кажденія во время самаго чтенія апостола явилась тогда, когда утвердился прискорбный обычай троекратное со стихами торжественное пѣніе „аллилуія" сводить къ единократному безъ стиховъ, и при томъ наскоро, въ нѣсколько секундъ; и тогда по необходимости пришлось перенести требующее большаго времени кажденіе на время чтенія апостола. И подъ вліяніемъ этой именно прискорбной практики указаніе на совершеніе кажденія во время апостола проникло даже въ позднѣйшія редакціи іерейскаго служебника, хотя въ архіерейскомъ Чиновникѣ остался запечатлѣннымъ древній и единственно литургически правильный порядокъ. Поэтому и на великосубботней литургіи кажденіе должно совершаться именно во время торжественнаго пѣнія замѣняющаго „аллилуія" „Воскресни Боже", которое при надлежащемъ торжественномъ его исполненіи занимаетъ время вполнѣ достаточное и для кажденія, и для переоблаченія священнослужителей. Царскія врата же при этомъ, какъ это положено вообще во время этого кажденія и пѣнія „аллилуія", должны быть непремѣнно открыты, а не закрыты, какъ это является неизбѣжнымъ въ случаѣ переоблаченія престола и жертвенника; переоблаченіе же священнослужителей можетъ совершаться въ алтарѣ и при открытыхъ царскихъ вратахъ, какъ это и дѣлается во многихъ церквахъ, въ которыхъ дѣло не осложняется переоблаченіемъ престола и жертвенника, и лишь въ иныхъ мѣстахъ ограничивается завѣшиваніемъ передней стороны престола бѣлой полосой. Что же касается одновременнаго переоблаченія всѣхъ аналоевъ во всемъ храмѣ, которое необходимо должно происходить на глазахъ молящихся и которое трудно выполнить безъ нѣкоторой и даже иногда большой суматохи, то таковое должно естественно, безъ нужды, отвлекать вниманіе молящихся отъ содержанія читаемаго и поемаго къ подробностямъ этого переоблаченія. Наконецъ, полное переоблаченіе всего въ храмѣ въ праздничное бѣлое облаченіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ основному характеру великосубботней литургіи. Эта литургія, хотя есть уже полупасхальная, но все же только предпраздничная, предпасхальная, при продолжающемся еще постѣ и предстоящей еще грустно-торжественной службѣ, представляющей повтореніе части великосубботней утрени и обычно именуемой полунощницей (ея собственное названіе въ древнихъ греческихъ уставахъ есть „панихида", только не въ нашемъ теперешнемъ заупокойномъ смыслѣ). По этому характеру великосубботней литургіи вполнѣ приличествуетъ, чтобы и облачившіеся для торжественнаго чтенія Евангелія о воскресеніи Христовомъ въ праздничныя бѣлыя одежды священнослужители продолжали совершеніе литургіи, хотя и въ бѣломъ праздничномъ облаченіи, но все же на общемъ фонѣ все еще облеченнаго въ трауръ храма, ибо самое торжество праздника еще не началось.

Предъ плащаницей, наконецъ, совершается благословеніе хлѣбовъ и вина въ концѣ литургіи, въ знаменіе того, что послѣ этой литургіи и до пасхальной полунощницы и утрени полагается, какъ прямо говоритъ Уставъ, вкушеніе только немного хлѣба (на востокѣ съ нѣсколькими смоквами или финиками) и одной чаши вина. Для смущающихся рѣчью здѣсь о винѣ необходимо замѣтить, что подъ виномъ здѣсь разумѣется виноградный сокъ, замѣнявшій теперешній чайный напитокъ. При переводѣ на современный языкъ это означало бы: немного хлѣба съ какими-либо плодами или овощами и стаканъ чая. Ц. Уставъ полагаетъ благословеніе хлѣбовъ по отпустѣ литургіи. Но такъ какъ по отпустѣ литургіи обычно происходитъ

цѣлованіе плащаницы и креста (въ рукахъ іерея), то современная практика переноситъ благословеніе хлѣбовъ на моментъ послѣ заамвонной молитвы. При этомъ примѣняются два порядка. Первый и литургически единственно правильный— это совершеніе этого обряда тотчасъ по заамвонной молитвѣ; подобно тому, какъ въ это именно время въ пятокъ вечера 1-ой седмицы совершается молебное пѣніе канона св. муч. Ѳеодору Тирону. Другой порядокъ, для котораго трудно подыскать достаточнаго литургическаго основанія, полагаетъ совершать сей обрядъ между вторымъ и третьимъ пѣніемъ „Буди имя Господне", хотя это представляетъ насильственный, безъ всякой нужды, разрывъ единаго цѣлаго — троекратнаго „Буди имя Господне".

Завершительнымъ моментомъ священнодѣйствія съ плащаницей (котораго тоже не знаетъ Ц. Уставъ) въ современной литургической практикѣ является торжественное унесеніе плащаницы съ середины храма въ алтарь на 9-й пѣсни канона предпасхальной „полунощницы", такъ трогательно и, можно сказать, потрясающе отмѣчающее тотъ великій, таинственный моментъ, когда Господь и Спаситель нашъ въ полунощи, незримо для очей человѣческихъ, возсталъ изъ гроба. Наилучшій и, можно сказать, почти всеобдержимый порядокъ чина этого „опрятанія" плащаницы и описываетъ календарный типиконъ — это въ общемъ драгоцѣннѣйшее руководство для современнаго практическаго примѣненія нормъ и требованій многовѣковой древности Церковнаго Устава.

Проф. В. Типикарскій.

Новая позиція Греческой Православной Церкви въ отношеніи къ экуменическому движенію.

Осенью прошлаго года состоялось въ Лундѣ, въ Швейцаріи, большая міровая конференція по экуменическимъ вопросамъ подъ названіемъ «Вѣра и порядокъ». Въ этой конференціи, какъ всегда, вмѣстѣ съ церквами другихъ національностей и вѣроисповѣданій и разными религіозными организаціями приняла участіе и Греческая Церковь.

Но на этотъ разъ представители Греческой Церкви передъ самымъ съѣздомъ, какъ сообщаетъ «Бюллетень Религіозно-Педагогической работы съ Православной Молодежью» (№ 3 — 4, декабрь 1952 г. Парижъ), заявили, что Православная Греческая Церковь приметъ участіе въ этой экуменической конференціи лишь какъ гость, отказавшись принимать участіе въ бесѣдахъ на догматическія темы, и выступая лишь, какъ „Свидѣтели Истины, хранимой Православной Церковью". Это заявленіе о новой позиціи Греческой Церкви оказалось большимъ событіемъ и произвело большое впечатлѣніе, такъ какъ до сего времени представители Греческой Церкви давно уже участвовали во многихъ собраніяхъ, съѣздахъ и конференціяхъ экуменическаго движенія.

Дополненіе къ оффиціальной части.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ ФИЛОФЕЙ прибылъ 20-го марта с.г. въ гор. Гамбургъ къ мѣсту своего новаго служенія и вступилъ въ управленіе Сѣверо-Западно-Германскимъ Викаріатствомъ Правосл. Германской епархіи въ Гамбургѣ.

По всѣмъ церковнымъ и религіозно-нравственнымъ вопросамъ надлежитъ обращаться къ Его Высокопреосвященству Архіепископу ФИЛОФЕЮ.

О чемъ объявляется духовенству церквей названнаго Викаріатства (Англійская зона) къ исполненію.

ЦИРКУЛЯРНО.

О.о. НАСТОЯТЕЛЯМЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ЗОНѢ.

Въ виду вступленія Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа ФИЛОФЕЯ въ управленіе Сѣверо-Западно-Германскимъ Викаріатствомъ Германской Православной Епархіи предлагается о.о. Настоятелямъ церквей, входящихъ въ составъ названнаго Викаріатства (Англ. зона), изъ установленныхъ 20 проц. взносовъ представлять Его Высокопреосвященству Архіепископу ФИЛОФЕЮ 10 проц. сборъ, а остальной 10 проц. взносъ направлять въ Епархіальное Управленіе.

Архіепископъ Берлинскій и Германскій АЛЕКСАНДРЪ.

Секретарь Епархіальнаго Управленія Е. МАХАРОБЛИДЗЕ.